

Певная М.В. ЦЕННОСТЬ ДОВЕРИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ИМПЕРАТИВ РАЗВИТИЯ ВОЛОНТЕРСТВА// Социокультурное развитие большого Урала: тренды ,проблемы, перспективы. Материалы всерос. науч.-практич. конф. XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург 27-28 февраля 2015 г.) / под общ. Ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ. 2015. С.376-384

Певная М.В.

**ЦЕННОСТЬ ДОВЕРИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ИМПЕРАТИВ
РАЗВИТИЯ ВОЛОНТЕРСТВА**

Певная Мария Владимировна

канд. социол. наук, доцент

ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет», г. Екатеринбург

E-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru

**TRUST VALUE IS THE IMPERATIVE OF VOLUNTEERING'S
DEVELOPMENT**

Mariya Pevnaya

*Candidate of Science, assistant professor of
Yeltsin Ural Federal University. Ekaterinburg.*

АННОТАЦИЯ

В статье изложены теоретические основания рассмотрения доверия как ценности волонтерства. Анализ волонтерства на отдельных территориях, изучение истории исследуемого вопроса и выделение ключевых проблем в его развитии позволили построить три теоретические модели: демократическую, постсоветскую и смешанную. По данным WVS и рейтинга CAF реализовано сравнение данных моделей и сопоставление их с характеристиками проявлений различных типов и видов доверия в отдельных странах (США, Австралии, России, Германии, Польше и Румынии), где реализуются эти модели.

ABSTRACT

The article shows theoretical background of the research where trust is investigated as a social value. There are three models of volunteering development which have been simulated as a result of the volunteering research in different countries and territories. These models are compared in different situations where trust as a value is realised in various kinds on different levels of a social interaction. The author analyzed the data of World Value Survey and World Giving Index CAF.

Ключевые слова: волонтерство добровольчество доверие модель волонтерства

Keywords volunteering trust model of volunteering

Постановка проблемы– доверие как ценность

Повседневное, социальное и культурное значение доверия как определенного концепта, явления, базовой социальной ценности сегодня не подвергается сомнению. В ценностном измерении доверие имеет следующие характеристики.

Оно порождается культурой человеческого общества, наделяющей его фундаментальным смыслом. Доверие как константа имеет ярко выраженный аспект социальности и аксиологическую значимость для общества, социальных общностей и отдельных людей. Данная ценность в разных своих проявлениях непосредственно связана с активной деятельностью человека, что помогает ей реализовывать свою дуальную природу. С одной стороны, интернализованное доверие к другим людям, общностям, социальным институтам стимулирует активность человека как актора, с другой, – может рассматриваться как результат их активности, реализуемой в ходе взаимодействия с другими людьми. Доверие как ценность в объективном плане сопряжено с социальными нормами, определяющими стремления, поступки и действия людей. В субъективном смысле оно может лежать в основе мотивации личности.

Доверие представляет собой сложный феномен общественного сознания и поведения, имеющий свою структуру, уровни, различные типы.

На макроуровне роль доверия в обществе современного типа заключается в том, что «системы социальных связей и отношений формируются на основании доверия или недоверия, которое вызывают друг у друга участники в ходе взаимодействия» [4, с. 31]. По нашему мнению, наиболее показательным индикатором доверия данного уровня может рассматриваться «обобщенное генерализированное доверие», показывающее число тех людей, кто в той или иной стране доверяет другим людям [9].

На мезоуровне социального взаимодействия доверие обеспечивает действия людей как «субъектов действий» в соответствии с ожидаемым ими порядком, «основанным на взаимных моральных или ценностных обязательствах, принуждении, обычаях, традициях, социальных конвенциях, идейных убеждениях, материальных интересах, общепринятых представлениях» [3, с. 3]. Л. Гудков поэтому утверждает, что доверие обеспечивается коллективными действиями, вне зависимости от его конкретных смысловых оснований. Оно входит в общий набор групповых норм поведения и передается от поколения к поколению как социальный капитал того или иного сообщества. Ценность доверия данного уровня находит свое отражение в отношении людей как членов определенных общностей к другим социальным общностям, с членами которых им приходится взаимодействовать, в оценках дееспособности тех или иных социальных институтов, регулирующих это взаимодействие.

Личностный уровень взаимодействия связан с его коллективными проявлениями в малых социальных группах (семье, соседском обществе, школе и т.д.) и представляет из себя «чувство доверия среди своих» [2, с. 19]. Оно существует как «чувство, как установка и как рациональная характеристика сознания и поведения отдельного человека» [8, с. 3]. Аксиологическая значимость доверия этого уровня проявляется в системе межличностных отношений людей внутри определенных социальных общностей. Оно бывает личным – к конкретному человеку, и абстрактным, когда строится не на основе личных (семейных, дружеских и т.п.) отношений, а порождается социальными институтами [7].

Некоторые теоретические основания сопряженности волонтерства и доверия

Проблематика теоретического и практического рассмотрения проблемного поля волонтерства в контексте осмысления ценности доверия людей друг к другу, к различным социальным институтам сегодня является достаточно распро-

страненной исследовательской концептуальной позицией как в мировой, так и в российской социологии. Волонтерство рассматривается как проявление «базового общечеловеческого (генерализованного, общественного) доверия, которое предполагает проявление субъектом позитивного отношения к другим без ожидания адекватного вознаграждения лично для себя, а лишь «пользы» для социума» [4, с. 31]. В этом смысле теория доверия выступает одной из базовых теорий, используемых сегодня для понимания волонтерства. По мнению Ф. Фукуямы, принцип добровольности лежит в основе социального развития, а образование различных социальных общностей объяснимо в терминах добровольного договора между индивидами. С его точки зрения, объединение людей с целью взаимопомощи зависит от доверия между ними. Само же доверие может быть обусловлено существующей культурой, а может базироваться на «разумном эгоизме» индивидов в сочетании с необходимыми правовыми механизмами общества вроде контрактной системы, что компенсирует дефицит доверия между его членами и позволяет незнакомым людям создавать организации, работающие на достижение общей цели.

«Доверие – это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [10, с. 22]. С этих теоретических позиций волонтерство, с одной стороны, базируется на сфере фундаментальных ценностей, с другой – на эгоистических интересах людей, не связанных с культурными основаниями общества.

Структура поля волонтерства детерминирует статус добровольца и его поведение, предлагает ему как актору определенные правила, предоставляет возможности, создает условия для реализации своей собственной активности. Социальный капитал волонтерства связан с рядом ценностей и установок людей, определяющих то, как они относятся друг к другу и насколько эффективно взаимодействие между ними в определенных условиях. Особенно важны установки и ценности, которые имеют решающее значение для социальной стабильности и сотрудничества. По нашему мнению, доверие – одна из таких наиболее важных интегрирующих констант.

По нашему глубокому убеждению, несмотря на то, что волонтерство сегодня является глобальным социальным феноменом, в пространственно-временном континууме оно развивается по различным траекториям. Направления этих траекторий во многом зависят от институциональной среды, где наряду с системой социальных норм и правил, продуцирующей устойчивые социальные связи и отношения внутри определенных социальных общностей, одно из ключевых мест занимает система общественных ценностей. В этом смысле можно предположить, что ценность доверия определяет траектории развития волонтерства, наряду с другими ценностями. Наша гипотеза заключается в том, что доминирование и специфичность проявления доверия на разных уровнях социального взаимодействия (макро, мезо- и микроуровне) между членами определенных общностей определяет особенность институционального развития волонтерства в их пространственных границах.

Описание моделей развития волонтерства

Анализ волонтерства как социального института, социальной общности и деятельности на отдельных территориях, изучение истории исследуемого вопроса и выделение ключевых проблем в его развитии позволили построить три тео-

ретические модели. Сопоставление российского волонтерства с волонтерством США и Австралии обусловлено интересом к опыту стран, демонстрирующих постоянство показателей успешности развития волонтерства, сравнение же с волонтерством в странах Европейского Союза привлекательно разнообразием его проявлений и динамикой показателей в рамках одного институционального поля, которые демонстрируют страны этой территории.

Обратимся к характеристикам обозначенных моделей. Первый вариант – «традиционная демократическая модель» – характерна для стран Северной Америки и Австралии. Ее специфика заключается в том, что волонтерство является частью государственной истории, представляет собой сформированную национальную традицию. В объективном плане оно развивается в рамках отрегулированного нормативно-правового поля, в созданной государством инфраструктуре, поддерживаемой на уровне межсекторного взаимодействия государством, бизнесом и населением, где преобладают партнерский тип отношений и взаимовыгодное для всех участников взаимодействия сотрудничество. В субъективном плане волонтерство этой модели находит ярко выраженную поддержку и одобрение со стороны населения, демонстрирующего высокие показатели вовлеченности в различные волонтерские практики, определенный уровень престижности волонтерства в обществе, признание его социального эффекта и значимости для отдельного гражданина.

Характерными чертами такой модели как института, общности и деятельности являются:

- Трансформирующаяся в соответствии с политической и экономической «повесткой дня» государственная политика в развитии и поддержке волонтерства путем инициирования волонтерских программ многих уровней (от федерального до локального), ориентированных на различные социальные группы населения.
- Широкое разнообразие волонтерских программ и проектов, которое открывает населению социальные лифты для реализации социальной, географической, образовательной, профессиональной мобильности; предоставляет возможности для самореализации или решения каких-либо личных проблем.
- Национальная пропаганда и активная информационная кампания, сохраняющая имидж волонтерства как деятельности при переходе от доминирования традиционной – религиозно-ориентированной жизнедеятельности к распространности светского образа жизни.
- Сложная структура волонтерской общности, где есть определенные императивы внутриобщностной идентификации ее членов.
- Доминирование организованных форм волонтерства.
- Развитость международного и национального волонтерства.
- Высокий уровень профессионализации как самой деятельности волонтеров, так и волонтерского управления.

Вторая модель, выявленная в ходе нашего исследования, – «псевдодемократическая или постсоветская модель» – характерна для России и ряда стран постсоветского пространства. В рамках этой модели национальная история становления и развития волонтерства имеет дискретный, противоречивый характер, в результате которого в обществе отсутствует своя устоявшаяся, исторически сложившаяся традиция, не закреплена и социальная норма волонтерской деятельности. Модель характеризуют стихийность практики нормативно-правового

регулирования различных видов взаимодействий волонтеров, несформированность третьего сектора, отсутствие инфраструктуры волонтерства, а также критический характер институционального взаимодействия государства и институтов гражданского общества, низкая активность в этом направлении бизнес-сообщества и населения. Уровень когнитивной, эмотивной и поведенческой вовлеченности населения в проблемы развития волонтерства достаточно низкий, при общем одобрении волонтерской деятельности в обществе реальное участие населения незначительно. На макроуровне волонтерство в данной модели представляет собой «фантом», находящий свое отражение в официальной статистике, в массовизации волонтерства, доминировании среди населения случайного, эпизодического характера волонтерской деятельности. Оценивая данную модель волонтерства на мезоуровне социального взаимодействия, можно говорить о существовании определенной волонтерской общности (статистически значимой), члены которой вопреки внешним условиям все равно реализуют свою деятельность.

Характерными чертами второй модели являются:

- Негибкая, бессистемная государственная политика в отношении поддержки ограниченного числа направлений волонтерской деятельности.
- Незрелость третьего сектора как «провайдера» волонтерской деятельности и реализации гражданской активности.
- Низкий уровень вовлеченности в развитие волонтерства субъектов экономической сферы. Непроработанность системы государственной поддержки развития волонтерства и необходимой для этого инфраструктуры на федеральном, региональном и локальном уровнях.
- Отсутствие национальной идеологии волонтерства.
- Разобщенность членов волонтерской общности.
- Распространенность неформальных видов деятельности волонтеров в условиях реализации традиции взаимопомощи друг другу как элемента национальной культуры.
- Пересечение специфики волонтерства и социальной работы, отсутствие четкого разграничения между данными видами деятельности.

Третья модель волонтерства – «смешанная модель» – реализуется в границах Европейского Союза. Ключевую особенность данной модели определяет тот факт, что в одном нормативно-правовом, экономическом и политическом пространстве объединены страны, где волонтерство проявляется в качестве национальной традиции, и государства, где его возможно рассматривать как относительно новое социальное явление. С объективной точки зрения, волонтерство данной модели характеризуется наличием разной степени проработанности нормативно-правового регулирования на общеевропейском, национальном и локальном уровнях, существованием объединённой системы международной, общеевропейской и национальных структур организации управления волонтерством, создающим условия для реализации социальной мобильности европейского населения, развитым третьим сектором, поливариантностью видов и типов волонтерской деятельности. В субъективном плане волонтерство этой модели демонстрирует тенденции прагматизации волонтерского труда.

По нашему мнению, в качестве характерных черт третьей модели могут быть выделены:

- Многоуровневая, мультикультурная, привязанная к тенденциям экономического развития ЕС политика, регулирующая и стимулирующая развитие волонтерства.
- Существование зависимости управления волонтерством отдельных стран-участников от реализуемых в них национальных моделей государственного управления.
- Активная информационная поддержка имиджа волонтерской деятельности.
- Развитая структура третьего сектора.
- Многообразие видов, типов и направлений деятельности волонтеров.
- Проектный характер деятельности волонтеров.
- Профессиональный менеджмент волонтерской деятельности.

Сравнение стран, где реализуются различные модели волонтерства и анализ проявления в них ценности доверия

Рассмотрим результаты социологических исследований, позволяющие сравнить три модели развития волонтерства и сопоставить их с характеристиками проявления различных типов и видов доверия в группах отдельных стран, где реализуются эти модели. В качестве примера стран первой группы рассмотрим США и Австралию. По данным «Мирового рейтинга благотворительности САФ – 2014» эти страны демонстрируют постоянство в показателях благотворительности и входят в 7 самых активных стран в рейтинге, отражающем три индикатора: число людей, оказывающих помощь незнакомым, количество волонтеров, работающих в НКО, и число тех, кто жертвует деньги [5]. В качестве примера страны, где реализуется вторая модель волонтерства, рассмотрим Россию, где по данным того же отчета 18 % от числа всего населения старше 18 лет за последний месяц работали в НКО волонтером, 34 % респондентов оказывали безвозмездную помощь незнакомым людям. В третьей группе стран-участников ЕС для примера мы рассмотрим Германию как государство с исторически сложившейся традицией волонтерской деятельности, где каждый четвертый житель работал волонтером в НКО, а 58 % населения помогали незнакомым, а также Польшу и Румынию как страны, где поддерживаются незначительные показатели распространности волонтерства и «помогающего поведения». По данным САФ В Румынии и Польше работали волонтерами 8-9 % из числа всех опрошенных, 40 % и 35 % соответственно оказывали помощь незнакомым людям (см. табл. 1).

Таблица 1.

Данные «Мирового рейтинга благотворительности САФ 2014 по числу волонтеров, работавших в НКО и количеству людей, оказывавших безвозмездную помощь незнакомым людям»

Модель волонтерства	Страна	Рейтинг благотворительности (ранг)	Число волонтеров НКО (%)	Число помогавших незнакомым людям (%)
Демократическая модель	США	1	44	79
	Австралия	6	37	65
	Н.Зеландия	5	44	69
Постсоветская модель	Россия	126	18	34
Смешанная модель	Германия	28	25	58
	Румыния	108	8	40

	Польша	115	9	35
--	--------	-----	---	----

Мы предполагаем, что причинами, сопряженными с традициями, политическим устройством, показателями благополучия населения и порождающими отличия в волонтерстве анализируемых стран, являются различия в количественных и качественных характеристиках разных типов доверия (институционального, общностного, межличностного), детерминирующие развитие волонтерства в логике той или иной модели.

Рассмотрим показатели доверия друг другу среди граждан различных стран. Показатели обобщенного (генерализированного) личностного доверия согласно данным мирового проекта WVS [1] в представленных государствах имеют существенные отличия (см. табл. 2).

Таблица 2.

Данные 6 волны World Values survey по разным странам о количестве людей, которые считают, что «большинству людей можно доверять»

Модель волонтерства	Страна	Число доверяющих людей (%)	Число полагающих, что нужно быть осторожным (%)
Демократическая модель	США	35,1	64,9
	Австралия	51,8	48,2
Постсоветская модель	Россия	29,6	70,4
Смешанная модель	Германия	45,3	54,7
	Румыния	7,7	92,3
	Польша	22,7	77,3

Результаты последней волны исследования 2011-2014 гг. показывают, что в странах, где волонтерство развивается по демократической модели, значительно больше число доверяющих другим людям (на 5,5 % – в США, на 22,2 % – в Австралии), чем в современной России. Страны, где реализуется смешанная модель, демонстрируют разнообразие данного показателя от самого наибольшего значения в Германии (44,6 %) до наименьших в Польше (22,2 %) и Румынии (7,7 %), напрямую коррелируя со значениями распространенности волонтерства и помогающего поведения среди населения этих стран.

Мы согласны с Д.Н. Данкиным, который утверждает, что при изучении доверия необходимо «конкретно определить взаимодействующие лица и цели доверительных отношений: кто кому и ради чего доверяет» [4, с. 138]. Именно ценность доверия в межличностных отношениях людей с теми, с кем они живут и работают, с теми, кто встречается им на их жизненном пути, во многом может влиять и на специфику развития волонтерства в том или ином обществе.

Рассмотрим специфические отличия в отношении населения выделенных для анализа стран к своим соседям и семье (см. табл.3,4). Еще раз обратимся к данным проекта WVS.

Таблица 3.

Данные 6 волны World Values survey по разным странам о степени доверия людей к членам своей семьи

Модель волонтерства	Страна	Степень доверия (%)			
		Доверяю	Доверяю в некоторой степени	Скорее не доверяю	Не доверяю

Демократическая модель	США	70,1	25,6	3	1,3
	Австралия	81,9	17,1	0,7	0,3
Постсоветская модель	Россия	88,3	9,5	1,7	0,5
Смешанная модель	Германия	76,3	19,1	3,5	1,1
	Румыния	80,9	16,4	1,9	0,8
	Польша	69,9	28,1	1,6	0,4

Результаты опроса показывают, что именно среди россиян больше тех, кто полностью доверяет членам своей семьи. Таких людей в России больше на 18,2 % чем в США, на 6,4 % больше, чем в Австралии. В странах, где реализуется смешанная модель волонтерства, в той или иной степени по данному показателю проявились отличия в меньшую от показателей России сторону.

Таблица 4.

Данные 6 волны World Values survey по разным странам о степени доверия людей к своим соседям

Модель волонтерства	Страна	Степень доверия (%)			
		Доверяю	Доверяю в некоторой степени	Скорее не доверяю	Не доверяю
Демократическая модель	США	8,2	64,8	21,1	5,8
	Австралия	6,1	70,2	20,3	3,4
Постсоветская модель	Россия	18,6	54,8	20,7	5,8
Смешанная модель	Германия	14,3	59,2	21,1	5,1
	Румыния	8,9	33,9	43,8	13,3
	Польша	8,6	67,8	19,1	4,5

Тех, кто в ходе опроса отметил полный уровень доверия к своим соседям, в России практически в три раза больше, чем в Австралии, на 10,4 % больше, чем в США. Страны, где реализуется смешанная модель развития волонтерства, наглядно демонстрируют определенные мозаичные отличия в распределении своего населения по уровню семейного и соседского доверия. Например, число румын, с разной степенью не доверительно относящихся к членам своей семьи, практически в два раза больше, чем немцев и поляков.

Наличие тесных семейных и соседских связей в российском обществе формирует определенный тип отношений между его членами. По нашему мнению, это во многом может объяснить распространенность в России неформальных волонтерских практик. При такой характеристике семейных и соседских отношений у людей нет желания или потребности в обращении или включении в деятельность каких-либо некоммерческих организации, различных фондов и т.д. Наше предположение находит свое подтверждение еще и в том, что россияне демонстрируют больше недоверия к широкому социальному кругу своих знакомых, чем граждане других стран (см. табл.5).

Таблица 5.

Данные 6 волны World Values survey по разным странам о степени доверия людей к тем, кого они лично знают

Модель волонтерства	Страна	Степень доверия (%)			
		Доверяю	Доверяю в некоторой степени	Скорее не доверяю	Не доверяю

Демократическая модель	США	30,6	61,4	6,7	1,3
	Австралия	40,5	56,1	2,7	0,7
Постсоветская модель	Россия	20,2	62,8	14,9	2,0
Смешанная модель	Германия	18,2	70,7	10,2	0,8
	Румыния	9,8	45,6	36	8,6
	Польша	7,7	80,9	10,8	0,6

Полностью доверяет тем, кого лично знает, только каждый пятый россиянин (20,2 %), в США – практически каждый третий (30,6 %), в Австралии таких 40,5 % из числа опрошенных.

Определенная специфика доверия населения к тем, с кем приходится сталкиваться в первый раз, опять же проявляется в России (см. табл.6).

Таблица 6.

Данные 6 волны World Values survey по разным странам о степени доверия людей к тем, кого они встречают первый раз

Модель волонтерства	Страна	Степень доверия (%)			
		Доверяю	Доверяю в некоторой степени	Скорее не доверяю	Не доверяю
Демократическая модель	США	0,8	34,8	48,1	16,3
	Австралия	0,8	44,2	42,3	12,6
Постсоветская модель	Россия	1,8	19,4	45,0	33,7
Смешанная модель	Германия	2,1	29,6	49,8	18,5
	Румыния	0,8	6,9	46,1	46,2
	Польша	0,1	25,1	56,8	18

Уровень недоверия к незнакомым значительно выше в России, в разной степени его отметили 78,7 % россиян, тогда как в США только 64,4 % от числа всех респондентов, в Австралии еще меньше – 54,9 % опрошенных. Число не доверяющих «новым людям» жителей стран-участников ЕС варьируется, но в общем все равно остается достаточно высоким (см. табл. 6).

За пределами нашей статьи остается анализ уровня доверия населения выбранных стран к институтам, регулирующим социальное взаимодействие их граждан, оценка доверия в этих странах к волонтерам и уровень доверия самих волонтеров друг к другу и к тем, кому они помогают. Однако результаты многочисленных эмпирических исследований позволяют нам утверждать, что выделенные в статье модели волонтерства формировались и реализуются в разных условиях институционального взаимодействия НКО и бизнеса, государства и общества. Эти условия определяют разный уровень доверия населения к государству и НКО, а само доверие в этом контексте определяет траекторию развития волонтерства этих стран.

В свою очередь, следует отметить, что тенденция к повышению доверия к волонтерам со стороны тех, кому они помогают, и друг к другу связана с их активностью и не зависит от той модели, в рамках которой развивается волонтерство в той или иной стране. Таким образом, само волонтерство является ресурсом повышения уровня социального доверия в любом обществе.

Итак, разные проявления доверия людей друг к другу оказываются включенными в траектории, определяющие развитие волонтерства в различных социокультурных, политических и экономических условиях. Мы сделали попытку

доказать, что в странах, где реализуется «демократическая модель» волонтерства, для населения характерен более высокий уровень обобщенного (генерализованного) личностного доверия, сопряженный с высокими показателями доверия населения к институтам власти, третьему сектору и во многом определяющий высокие показатели популярности волонтерской деятельности среди жителей этих стран.

В странах с постсоветской моделью развития волонтерства доминирует доверие людей друг другу в ближайшем окружении, проявляется недоверие к расширению социальных связей, к включению в них новых людей. Это влияет, наряду с невысоким уровнем доверия населения к государству и третьему сектору, на распространенность среди россиян неформальных практик взаимопомощи, а также в некоторой степени объясняет трудности в институционализации формального волонтерства и его популяризации в рассматриваемых странах.

В рамках европейского пространства реализуется смешанная модель волонтерства. Она демонстрирует специфику его развития в отдельных странах ЕС, сопряженную, по нашему мнению, с культурой и традициями этих стран, продуцирующих проявления среди своего населения разных видов доверия. Анализируемые в статье данные опросов позволяют говорить не только о различиях в показателях доверия и развития волонтерства среди населения ЕС, но и о проявлении схожих тенденций в этих странах, например, о высоких показателях недоверия среди населения ЕС к новым знакомым.

Список литературы:

1. World Values Survey Wave 6: 2010-2014. Online Data Analysis. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/>. (дата обращения: 05.01.2015).
2. Веселов Ю.В. Экономика и социология доверия. СПб.: Социологическое об-во им. М.М. Ковалевского, 2004. 190 с.
3. Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура// НЛЮ, 2012. № 117. С. 249-280.
4. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества /отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.
5. Мировой рейтинг благотворительности 2014. Глобальные тенденции благотворительности. Ноябрь 2014. [Электронный ресурс]. САФ. 2014. URL: http://www.cafrussia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_2014. (дата обращения: 12.01.2015).
6. Отчет ФОМ «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации» [Электронный ресурс]. М. : ФОМ, 2012. URL: <http://soc.fom.ru/dobrovolchestvo.html>. (дата обращения: 02.01.2015).
7. Патрушев С.В. Социальный капитал//Электронная библиотека «Гражданское общество в России» [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Patrushev_soz_kapital.pdf. (дата обращения: 02.11.2014)
8. Ромашкин Г.С. Доверие в российском обществе: экономико-социологический анализ: автореферат дис. ... к.с.н. 22.00.03. Тюмень, 2011. 24 с.
9. Сасаки М., Давыденко А.В., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С. Доверие как элемент социального капитала России// Мир России, 2010. № 2. С.78.-97.

10. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Фукуяма. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 730 с.
11. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.